



А. Дмитриевский

## «Славяне» К. И. Галчинского в интертекстуальной традиции

Стихотворение Константы Ильдефонса Галчинского «Славяне», написанное в 1946 году, стоит в ряду высших проявлений общеславянского самосознания и вдохновляет нас своим пассионарным пафосом, который обеспечивается, в частности, его глубокой интертекстуальностью в аспектах истории и современности и на уровнях философско-историческом, идеологическом и собственно словесно-художественном. Тем более удивительно, что в русской критике оно, по-видимому, не подвергалось соответствующему рассмотрению. Позволяя себе здесь расширить само понятие интертекстуальности, получаем возможность осмыслить произведение в широком культурологическом охвате. Общетеоретический вектор задает установка В. А. Хорева, указавшего на особое своеобразие авторского самосознания, выразившегося в том, что «уникальность поэтического мира Галчинского не исключает духовного воздействия на него со стороны предшественников и современников» и что данное воздействие оказывалось способным «не только формировать, но и усиливать личностное начало» [1, с. 298]. В этой диалектике интертекстуальности и авторской уникальности стихотворение «Славяне» оказывается наиболее показательным, ибо по отношению к ближайшим ему по тексту «Скифам» Блока оно даже реминисцентно и балансирует на грани простого подражания, заимствования, обретая одновременно энергетiku высокой катарсической действительности. И вот, как два родных брата, «Славяне» Галчинского и «Скифы» Блока, с грамматически однотипными названиями в иносказательном обозначении восточного славянства у Блока и общеславянского мира в подлинном славянском самоназвании у Галчинского, — одинаково типизируются в своей народно-национальной целостности и в качестве активно действующих субъектов общеевропейской, а значит и мировой, истории. Заметим, что первая публикация «Славян» имела даже примечание: «Подражание А. Блоку», и это свидетельствовало о самооценке поэта в данной, наиболее непосредственной форме интертекстуальности.

---

© Дмитриевский А., 2014

Но сверх того, «Славяне» Галчинского в своей проблематике и поэтике вбирают в себя фактически всю 400-летнюю историю философско-исторического и поэтического осмысления славянства как целостного феномена мировой истории — считая от Юрия Крижанича (XVII век), к которому прямо «через хребты веков» как к первоисточнику восходит утверждение славянской общности, на чьем поэтическом стрежне — «Славяне» Галчинского. И текст польского поэта, как и в значительной степени текст Блока, вершится в русле общеславянской идеи, составляющей благодатную традицию вех славянских литератур, начиная с первой половины XIX века и по сей день. Это идеи Пушкина и Мицкевича, одинаково мечтавших о «временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»; идеи Яна Коллара о «славянской взаимности» и его же поэтические образы матери Славы и дочери Славы; идеи «духа славянского» словенца Франце Прешерна и словака Само Томашика, идея «зари с Востока» Яна Неруды, наглядно отразившейся в строке Галчинского: *смясь, к востоку все часы бегут, к востоку* [2, с. 190]<sup>1</sup>. Не менее значима в глубинной интертекстуальной памяти «Славян» Галчинского идея «всеславянства» и «славянской земли» Тютчева, в прямом идейно-художественном наследии которой пребывает *славяница* Галчинского.

Есть смысл обратить внимание на типологическое сходство «Славян» и «Скифов» во внешних обстоятельствах их создания. Так, будучи разделенными во времени 28 годами, они были написаны в одинаково переломные моменты общеславянской и мировой истории, порождавшие великие надежды и ожидания. «Скифы», датированные самим Блоком 30 января 1918 года, создавались на вдохновляющем тогда фоне свершившейся два с половиной месяца назад Октябрьской революции в России и последовавших надежд на возможность прекращения войны и заключения мира без аннексий и контрибуций. В свою очередь стихотворение Галчинского, созданное в 1946-м, то есть на следующий год после окончания Второй мировой войны, в условиях роста славянского самосознания в связи с решающим вкладом славянства в победу над фашизмом, стало поэтическим воплощением великих надежд на новое международное устройство в координатах добра и справедливости. И оба произведения, по большому счету, были посвящены единой общей проблеме — культурно-исторической сущности и судьбы славянства в мире; и реальная политическая обусловленность двух этих произведений сказалась в их ярко выраженном публицистическом характере, возвышенном пафосе и ораторской речевой структуре. Притом нельзя не заметить, что мотивы произведений, явившись актами их высшего по-

---

<sup>1</sup> Здесь и далее текст приводится в переводе М. Кореновой.

этического откровения, пребывают в творческом наследии обоих поэтов особняком, как бы вне собственной традиции и без дальнейшего развития. Здесь в обоих случаях как у древних: *Dixi!* — сказал, и все. И все это так или иначе осознавали сами поэты. Блок 29 января 1918 года, после создания поэмы «Двенадцать» и как раз в ходе работы над «Скифами» записал в дневнике: «Сегодня — я гений» [3, с. 387] (выделено автором. — А. Д.); а у Галчинского в его автобиографии читаем: «Началом своей творческой зрелости считаю год 1946» [4] — то есть год, ознаменовавшийся возвращением на родину, в Гдыню и Краков, из семилетней насильственной эмиграции и созданием «Славян». При этом блоковские мотивы в поэзии Галчинского были подготовлены существенными обстоятельствами биографического порядка, в том числе его русскими поэтическими интересами и пристрастиями, которые в полном объеме проследил В. А. Хорев в своей последней книге.

Есть основание говорить об интертекстуальном родстве рассматриваемых произведений на жанровом уровне, где оба текста представляют собою торжественно-ораторские речи, или оды национально-исторической (по теории Г. Н. Пospelова) проблематики, но различного эмоционально-волевого целеполагания: у Блока это ода-инвектива в категорическом формате осуждения и приговора в адрес «старого мира», а у Галчинского ода-гимн с равновеликим Блоку пафосом общеславянского исторического самоутверждения. К тому же стихотворения выдержаны в одинаково высокой поэтике призыва, убеждения, даже требования, что грамматически обеспечивается, к примеру, высокой частотностью глаголов повелительного наклонения, коих у Блока восемь, а у Галчинского шесть, и с учетом разницы текстовых объемов у польского поэта частотность императивных речевых форм даже превосходит Блока.

Итак, архитектоника обоих произведений, осуществляемая в оппозиции Славянского мира и Запада, риторически выстраивается в виде высоко энергетического обращения, призыва, имеющего своей столь же поэтической, сколь и гражданской целью реальные жизненные результаты. Вместе с тем поэтика речевого обращения к Западу у Блока переадресовывается у Галчинского самому Славянскому миру в тексте Галчинского. У Блока обращение как призыв Запада к «мирным объятьям», к общеевропейскому, а значит, и мировому братству, а у Галчинского — призыв самим славянам к их взаимным «объятьям» в целях самоутверждения в своем историческом единстве, и также однозначно — на всеобщее благо.

Выявляются определенные параллели в поэтике обоснования потенциального единства и целостности Славянского мира. В обоих случаях это смысловые единицы легендарно-мифологического порядка. У Блока, при

всей ассоциативной сложности поэтического концепта скифов, прослеживается имевшее место в научной традиции мнение об исторических скифах как о древних славянах, то есть легенда, отразившаяся в киевском «Синописе» XVII века и вновь заявившая о себе в XVIII веке у Лейбница. В свою очередь Галчинский поэтически обосновывает славянское единство мифологическими именами трех братьев: Чеха, Леха и Руса, которые в своих истоках восходят к текстам начала XII века, «Чешской хронике» Козьмы Пражского и персидскому «Собранию историй», а в «Великопольской хронике» XIV века составляют уже целостный сюжет. Но, стремясь к универсализации своей общеславянской идеи и одновременно к ее геополитической конкретизации, Галчинский вводит имя четвертого брата — Серба, причем в особо эмоционально акцентированной интонации: *Лех, Чех и Рус воспряли, чуть забрезжил свет / Серб тоже с нами. Брату Сербу слава!* — что в тех конкретных условиях не могло не быть знаком особой признательности сербскому народу за его вклад в общую Победу.

Показательно, что в обоих произведениях лирический субъект неотделим от своего общенародного мира в его судьбоносных свершениях, и в данном отношении Блок и Галчинский восходят к древнему, типологически общему источнику — Тиртею, а в Новое время — к «Песням Оссиана» Макферсона и «Певцу во стане русских воинов» Жуковского. Здесь воистину перефразирован известный латинский афоризм *Vox poetae — vox populi*<sup>2</sup>, и это обстоятельство четко акцентируется первыми и даже словесно совпадающими строками произведений. У Блока: *Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы*. И у Галчинского: *Нас тьмы и тьмы. Мильонов топот слышен*. И в обоих произведениях одинаково показательна функция личного местоимения множественного числа «мы» в разных падежах вместе с примыкающим к нему по значению притяжательным местоимением множественного числа «наши», коих у Блока 21 в 19 строфах, а у Галчинского 11 в 7 строфах, то есть в этом случае частотность особо значимых местоимений у Галчинского выше, чем у Блока. Тем не менее у Галчинского ощутимы черты личностной индивидуализации лирического субъекта в том же дружеском обращении к читателям «*przujaciele*», а также в ироничном англицизме, выделенном к тому же в тексте заглавными буквами: «*I AM SORRY*» («извините»), что для лирического субъекта Блока исключено в принципе.

В целом в поле зрения обоих поэтов — место и роль славянства в истории и современности, но в энергетических эпицентрах России у Блока и Польши у Галчинского. Причем особенно важно, что у Галчинского в понимании исторического феномена славянства принципиальное значение

---

<sup>2</sup> Глас поэта — глас народа. (Примеч. ред.)

приобретает акцентировка духовно-исторической общности поляков и русских, это обеспечивается символикой высшего культурно-религиозного уровня. В 3-й строфе читаем: а наша Матка Боска Ченстоховска происходит из Византии. Но культурологически подготовленный читатель, безусловно, ориентирован в также византийском происхождении главной духовной святыни русского народа, иконы Владимирской Божией Матери, равно как и православия в целом.

Оба произведения являют нам поэтическую трактовку извечной исторической проблемы Славянства и Запада, но в различиях русского и польского извода, и ссылки на реальные исторические события у поэтов выступают в своей символической характерности. Но у Блока символика по преимуществу философско-исторического порядка и к тому же — эсхатологического смысла. Именно в этой функции выступает *провал и Лиссабона и Мессины*, то есть разрушительные землетрясения соответственно в 1755-м и 1908—1909 годах, как предвестники надвигающейся мировой катастрофы, в результате которой от современной цивилизации может не остаться «и следа» (в отличие от хорошо сохранившегося внешнего облика античного города Пестума). Галчинский же обращается к символике национально-исторического и политического содержания, типизируя славянский, и в первую очередь польский, мир в его западных исторических свершениях, что наглядно сигнализируется номинацией *Самосьерра*, местечка в Испании, где 30 ноября 1808 года атака кавалерии польских уланов на испанские позиции, предпринятая по личному приказу Наполеона, увенчалась их блистательной победой. Более того, ссылка на Самосьерру роднит в жанровом отношении текст Галчинского с текстом Выбицкого, ставшим национальным гимном Польши: *Дал пример нам Бонапарте, / Как сражаться нужно*. Символизируя целостность польской истории от Средневековья до текущих дней, Галчинский пишет: *И снова Щецин — наш*, — отсылая, таким образом, читателя к событиям XII века, к успешному княжению Болеслава III Кривоустого, расширившего польские владения присоединением этой древней славянской крепости, и косвенно подтверждая этим историческую справедливость Потсдамских решений относительно возвращения Польше западнославянских земель.

Блок и Галчинский синхронно указывают на глубинный жизнеутверждающий потенциал славянства. Причем у Блока залог народно-национального здоровья и исторического созидания скифо-славян видится в историческом единстве их жизненно-первобытных, то есть патриархальных, и цивилизационных свойств. Это народ, способный *ломать коням тяжелые кресты и усмирять рабынь строптивых* и одновременно народ, которому *внятно все — и острый галльский смысл, и сумрачный германский ге-*

ний. Отношение России к Западу Блок определяет в диалектике предельной антитетичности: *Она глядит, глядит в тебя, / И с ненавистью, и с любовью!* Все это относительно западного мира интертекстуально отзывается у Галчинского, но в предельно смягченных формах, в своеобразной диалектике любви-отстранения при одновременной акцентировке народности польско-славянской культуры. Так, в «Скифах» читаем: *Мы помним все — парижских улиц ад, / И венецианские прохлады, / Лимонных роц далекий аромат, / И Кёльна дымные громады,* — и прослеживаем интертекстуальное преобразование подобной символической картины в «Славянах»: *И что нам Лувр, что зелень нежная вдоль Сены, / Над Роной цвет мимоз, канцоны заливные?* И уже в прямой политической акцентировке: *Жива Варшава — и Лондона она важнее.* Прослеживаются даже элементы иронической рефлексии в адрес национальной истории, как в заключительной строфе: *И не страшны нам ягеллонов тени.* Тут же поэт замечает: *Речь наша — хрип да храп,* что вполне поддается интерпретации в символике патриархальной народности.

Но если для Блока внутренняя патриархально-культурологическая целостность скифо-славянского мира — это самоочевидная данность, то у Галчинского она становится предметом напряженной авторской рефлексии в особой акцентировке борьбы за славянскую культурно-историческую идентичность. И поэт сам работает над решением этой задачи: *На дело общее ряды сплотились наши* (или в буквальном переводе: *Общие у нас дела за общим столом*). И уж куда как философско-исторически значимо четырехкратное повторение в заключительной строфе особо важного в смысловом отношении прилагательного «wsrólny».

Поэт сосредоточивает свой пафос на главной проблеме славянского самоутверждения в труде и борьбе. Интересно, что 3-я строка 4-й строфы даже целиком строится на глаголах повелительного наклонения, коих четыре. В буквальном переводе она звучит так: *Пробудись. Примись за работу. Освободи. Восстань с нами.* Не случайно в этой связи упоминание у Галчинского крестьянства: *Крестьяне — с нами* — как непосредственно трудовой и исходно целостной народно-национальной силы. Притом Галчинский вскрывает внутреннюю механику достижения великой цели в борьбе, утверждая Победу как труд: *Победа — это труд, а не вдохновение.* Все это дает основание говорить, что в поэтической энергетике призыва и утверждения текст Галчинского становится вровень с «Марсельезой» Руже де Лилиа — *Вперед, сыны Отчизны!*

И не пройти мимо заключительных строк обоих произведений, несущих в себе идею жизнесодержательного и активно жизненного искусства — активного спутника жизнесозидательного действия. У Блока это: *В последний раз — на светлый братский пир / Сзывает варварская*

лира; а у Галчинского в русском буквальном переводе: *В последний раз идет по кругу чаша / Нас общий путь зовет. И песня — в бой последний.*

В заключение можно сказать, что идеологические мотивы и цели, составившие источник рассмотренных произведений и обеспечившие их благородный пафос, остались нереализованными в жизни, но сами по себе они вечны, как слова завета, и в этой функции они по-прежнему составляют глубинный уровень и одновременно, высшую планку славянского самосознания в поэзии и самой жизни.

### *Список литературы*

1. *Хорев В. А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012.
2. *Галчинский К. И.* Славяне // Галчинский К. И. Фарландия, или Путешествие в Темноград. М., 2004. С. 189—190.
3. *Блок А.* Записные книжки. М., 1965.
4. *Константы* Ильдефонс Галчинский. Биография поэта, написанная Д. Самойловым. URL: [http://galczynski.narod.ru/kig\\_bio1.htm](http://galczynski.narod.ru/kig_bio1.htm) (дата обращения: 17.04.2012).

